

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ КАК ПРОСТРАНСТВО, ПОЛИТИЯ, НАРОД И СУДЬБА

Фарход ТОЛИПОВ

*кандидат политических наук,
доцент Университета мировой экономики и дипломатии
(Ташкент, Узбекистан)*

В в е д е н и е

Изучение современной Центральной Азии обнаруживает проблему онтологии и концептуализации. Не только нынешние научные работы по Центральной Азии (особенно после 11 сентября 2001 года), но и относительно недавние исследования региона, проведенные после обретения его странами независимости, испытывают недостаток адекватных и строгих научных подходов. Спектр некорректных взгля-

дов о ЦА простирается от утверждений об экспансионизме и гегемонизме Узбекистана в регионе и прогнозов о «балканизации» Центральной Азии до отрицания применимости понятия региональной интеграции по отношению к пяти странам, расположенным на данной территории, на основании того, что у них слишком разные культуры и политические системы. Более того, большинство местных ученых, то есть сами центрально-

азиаты, увлеклись описательными работами, которые были им представлены и написаны о них западными экспертами.

Для Запада Центральная Азия — это там, а для местных — это здесь. Можно ли ее строго определить? Есть идея Америки, есть идея Европы, есть идея Евразии и т.д. Есть ли идея Центральной Азии? Нельзя не вспомнить исследование Эдварда Саида. В его работе «Ориентализм» можно найти интересное методологическое предупреждение о том, что как географические и как культурные сообщества — не говоря об исторических сообществах — такие места, регионы, географические секторы, как «Восток», являются вымышленными. «Поэтому так же, как

и сам Запад, Восток есть идея, имеющая историю и традицию мышления, представления и понятия, которые дали ему жизнь и присутствие на Западе и для Запада»¹.

По нашему мнению, рассуждения такого рода можно применить и к Центральной Азии. Это не попытка замены всей лжи правдой, всех мифов действительной историей, всех домыслов и предубеждений строгим и конечным исследованием региона. Это только попытка компенсации недостатка позитивного подхода к нему с точки зрения исторической предрасположенности стран и народов ЦА к интеграции.

¹ Said E. Orientalism. N.Y.: Vintage Books, 1979. P. 5.

Регион как пространство

После устрашающих взрывов 11 сентября 2001 года в одночасье как бы вся система миропорядка получила мощную встряску, побудившую мировое сообщество пересмотреть саму парадигму международных отношений. А в новой парадигме, как мы понимаем, не просто найдется место для Центральной Азии — до недавнего времени периферии мировой политики — она будет играть одну из стратегически важных ролей в мире.

Дело в том, что в последние годы все больше стран проявляют повышенный интерес к сухопутному сообщению между Европой и государствами Азии и все более популярной становится идея создания нового Великого шелкового пути.

В перспективе значение региона увеличится еще больше, так как со строительством трансасиатской железнодорожной магистрали, развитием сети автодорог и открытием транспортных коммуникаций на территории Афганистана появляются новые возможности выхода через Иран и Пакистан к Персидскому заливу и Индийскому океану. Кроме того, более полное использование транспортного коридора ТРАСЕКА, связывающего в единую сеть национальные железные и автомобильные дороги пяти стран ЦА и трех Закавказских государств, позволит поднять международное значение региональных транспортных путей, расширить их транзитные возможности, создать прочную основу для привлечения инвестиций².

В этом плане уместно вспомнить важное и точное, на мой взгляд, замечание американского аналитика Росса Мунро: «Новый «Шелковый путь» современных железных и скоростных автомобильных дорог, который предоставил бы Китаю сухопутный выход далеко на запад, в конечном счете в Европу и Иранские порты в Персидском заливе, имел бы громадные стратегические последствия, возможно сравнимые со значением, которое однажды имело открытие Суэцкого и Панамского каналов»³.

Центральная Азия представляет собой обширный регион с территорией около 4 млн км² и населением в 55 млн человек. Ее геополитическая роль обусловлена промежуточным положением между Хартлэндом и Римлэндом — ареалами перманентного геополитического противоборства мировых держав. С Запада естественная граница региона проходит по берего-

² Об этом подробнее см.: Центральная Азия: геоэкономика, геополитика, безопасность / Под ред. Р. Алимова, Ш. Арифханова, С. Ризаева и Ф. Толипова. Ташкент: Шарк, 2002.

³ Munro R.H. China, India, and Central Asia. В кн.: After Empire. The Emerging Geopolitics of Central Asia / Ed. by J. Snyder. Washington: National Defense University Press, 1995. P. 130.

вой линии Каспия, на востоке — по горным системам Джунгарского Алатау Тянь-Шаня, на юге она совпадает с Хорасанскими горами, а также с реками Амударья, Пяндж и Амрек, а на севере простирается вдоль окраин степей Казахстана.

Кроме того, Центральная Азия стала уникальным регионом в зоне ОБСЕ. Впервые в истории этой организации она покрывает пространство не только с преимущественно мусульманским населением, но и страны с недемократическими политическими режимами. В связи с этим возникают вопросы о том, в какой степени регион будет соответствовать западным ценностям и стандартам демократии, в какой степени он будет сохранять архаическую патерналистскую природу, где теперь находится ЦА — на Востоке или на Западе?

Центральная Азия становится полигоном для проверки традиционной теории разделения мира на Восток и Запад. Можно сказать, что это форма новой делимитации между Востоком и Западом.

ЦА как полития

С момента обретения независимости в государствах Центральной Азии происходят огромные и широкомасштабные изменения, охватывающие экономическую, социальную, политическую, военную, культурную и даже идеологическую сферы. Это очень сложный процесс, который может быть описан при помощи непростого понятия «национально-государственное строительство». Последнее развивается наряду с процессом провозглашенной региональной интеграции. Другими словами, фактор национальной самоидентификации сосуществует с фактором объединения.

Несмотря на постоянство фактора национальной самоидентификации, на протяжении истории в регионе всегда существовала определенная наднациональная, интеграционная квазиполития (например, империи Чингисхана, Тимура, Бухарский эмират, Кокандское и Хивинское ханства, Туран, Туркестан, царская Россия, СССР (понятие «Средняя Азия и Казахстан»), постсоветские варианты концепции ЦАЭС/ОЦАС, в том числе само СНГ). **Интеграционные и дезинтеграционные волны, накатываясь друг на друга, создают такую сложную гео-социо-культурно-политическую тектонику регионально-го развития, что порой трудно заметить, где проходит грань между национальным и региональным.**

Столь сложные обстоятельства стали во многом причиной заблуждений и неверных представлений о регионе и в целом — о трансформационных процессах, разворачивающихся в нем. Одно из таких неверных представлений, на мой взгляд, — теория проф. Зб. Бжезинского о «балканизации» Центральной Азии. Более глубокий анализ подобных концепций все же не позволяет принять такую аналогию. Если какие-либо аналогии и были возможны, то это, скорее всего, — вероятность «афганизации» Таджикистана, наиболее уязвимой к внешним угрозам страны ЦА с начала 1990-х и до 2001 года⁴. Однако по иронии событий, имеет место не последний сценарий, а зеркально противоположный: сегодня наблюдается своеобразный культурный и цивилизационный эксперимент в Афганистане. Эта страна стремительно, в течение одного года, совершила прыжок от средневекового, жестокого и человеконенавистнического мракобесия к статусу государства-партнера ОБСЕ.

В этом отношении Центральная Азия достаточно уникальный регион. С самого начала деятельности Содружества Независимых Государств, которое заменило Советский Союз, в числе своих первых совместных документов центральноазиаты подписали договор «О вечной дружбе». Они признали существовавшие тогда бывшие советские административные

⁴ См.: *Толитов Ф.* Некоторые теоретические аспекты центральноазиатской геополитики // Центральная Азия и Кавказ, 2001, № 6 (18).

границы в качестве межгосударственных и провозгласили, что не имеют территориальных претензий друг к другу.

Однако советское наследие и общий контекст процессов в СНГ обусловили односторонние западные представления об этих новых независимых государствах (ННГ) как имманентно слабых и склонных к конфликтам. Более того, во многих геополитических исследованиях наш регион рассматривался, как правило, с точки зрения концепции «игры с нулевой суммой» внерегиональных держав. Видимо, живучесть этой концепции предопределила и современные представления о диверсификации внешнеполитических ориентаций государств ЦА, негативной по своему характеру. Негативной в том смысле, что она формируется или организуется на основе традиционной модели баланса сил. Даже такой феномен, как национализм, с одной стороны, был во многом обусловлен геополитическими процессами, с другой — сам стал средством геополитики⁵.

Следует отметить: востребованность концепции баланса сил как для внерегиональных держав, так и для самих Центральноазиатских стран обусловлена тем, что она оказалась наиболее распространенной и известной моделью строительства международных отношений на этапе, когда формирование самостоятельной внешней политики ННГ неизбежно сопровождается заимствованием «испытанных» форм. Такие элементы *эрзац*-политики и привели к негативной внешнеполитической диверсификации. Причем страны Центральной Азии оказались в ситуации, если можно так выразиться, двойного балансирования: с одной стороны, это ситуация балансирования политики внерегиональных держав, с другой — гипертрофированное представление о необходимости балансирования между собой в масштабах региона.

Политика баланса сил должна быть отвергнута как нерелевантная концепция отношений между Центральноазиатскими государствами, а также между ними и внешними державами. Вместо этого нынешняя стратегическая задача для региона — усиление интеграционных усилий. Альтернативой интеграции может быть только взаимная изоляция.

Рассматриваемые страны предрасположены вырабатывать свою общую *модель интеграции*. Для этого они должны, прежде всего, привести порядок в свои представления о том, чем они располагают и чем не располагают, в каких направлениях испытывают проблемы, в каких продвинулись касательно всеобъемлющего процесса интеграции. Другими словами, это вопрос об активах, условиях, проблемах и возможных направлениях интеграции. Коротко:

- *Общие активы центральноазиатской интеграции*: общее происхождение и история; признание и официальная декларация с самого начала независимости и в различных формах центральноазиатского регионального содружества; создание в ЦА зоны, свободной от ядерного оружия; существование в региональном масштабе многостороннего формата саммитов и диалогового механизма, развитых в рамках Организации центральноазиатского сотрудничества (ОЦАС); образование функциональных межгосударственных консорциумов; медленная, но постоянно продолжающаяся институционализация региональной интеграции.
- *Условия центральноазиатской интеграции*: общие трансграничные вызовы региональной безопасности; особое географическое положение региона; экономическая, социальная, стратегическая взаимозависимость; давление геополитических условий, возникших после окончания «холодной войны»; формирование нового мирового порядка.
- *Проблемы центральноазиатской интеграции*: информационное противоборство; деструктивная геополитика; преувеличенные представления о национальных интересах; авторитарные политические режимы и слабость демократических институтов; недостаток взаимного доверия; ложные опасения так называемого «узбекского

---

⁵ См.: Tolipov F. Nationalism as a Geopolitical Phenomenon: the Central Asian Case // Central Asian Survey, 2001, No. 2.

гегемонизма» и мнимого соперничества между Казахстаном и Узбекистаном за доминирование в ЦА.

- *Направления центральноазиатской интеграции*: общее информационное, научное и социально-экономическое пространство; общий региональный рынок; отказ от визового режима; разминирование отдельных участков границы; пересмотр типа и характера экономических отношений и внешнеполитических стратегий рассматриваемых государств; полная имплементация договоров «О вечной дружбе»; создание системы коллективной безопасности региона.

Центральная Азия как народ

Являются ли народы Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана настолько разными, даже чуждыми, чтобы говорить об их взаимоотношениях в терминах предотвращения конфликтов и управления кризисными ситуациями? Я не сомневаюсь, что нет. Однако им пришлось поверить, что они такие, они были вынуждены поверить в это в силу новых геополитических обстоятельств, которые оказались самым негативным последствием их независимости и исказили их самоидентификацию. Эти страны оказались заложниками своей независимости, которая потребовала изобретения, формовки, конструирования и защиты полноценной государственности.

Нет сомнения в том, что создание механизмов управления кризисами и предотвращения конфликтов, а также строительства доверия между государствами и народами стали одной из основных тенденций международной политики в зоне возможных конфликтов. И это приобрело даже большую важность для стран Центральной Азии, поскольку отношения между ними все более подвержены влиянию геополитического фактора. Причем ценность таких превентивных усилий государств будет, видимо, сохраняться всегда, поскольку эти усилия подразумевают постоянную демонстрацию доброй воли участников. «В конечном счете *содержание* усилий по строительству доверия может быть менее важным, чем *процесс* постепенного формирования привычек сотрудничества, что со временем может привести к большему пониманию и более высокому уровню доверия»⁶.

С этой точки зрения наиболее верной формулой поиска адекватных моделей взаимоотношений между государствами Центральной Азии является формула «выигрыш-выигрыш» — антитезис «игры с нулевой суммой». Рассматриваемый регион — единая ойкумена для всех этнических групп, проживающих в нем. И это позитивный фактор. Нельзя игнорировать факт взаимосвязанности и взаимозависимости стран и наций ЦА. Даже процессы их национальной самоидентификации не могут не переплетаться. Существование на территории каждой отдельной страны диаспор каждой другой, соседней, страны и ряда анклавов и есть отражение этого переплетения. Любые поиски так называемой национальной идеологии должны быть дополнены, точнее, обогащены стремлением конструирования региональной идеологии. В этом смысле национализм и супернационализм/регионализм сосуществуют и являются взаимно дополняющими.

Это означает, что если этнический плюрализм внутри отдельной страны и ее единство, как считается, имеют жизненно важное значение для национального выживания и процветания, то и этнический плюрализм среди стран и их единство также имеют жизненно важное

---

⁶ Pederson M. Susan, Weeks S. A Survey of Confidence and Security Building Measures. В кн.: Asia Pacific Confidence and Security Building Measures / Ed. by Ralph A. Cossao. Washington, DC: The Center for Strategic and International Studies, 1995 (цит по: Clark-Sestak Susan L. Confidence and Security Building (CSBMs) in Central Asia: Trends and Prospects // Conference on Regional Stability and Security in Central Asia. Garmisch-Partenkirchen, 7—11 December 1998).

значение для региональной безопасности и стабильности. Стратегия выигрыш-выигрыш в данном случае подразумевает, что национальное никогда не должно достигаться и ставиться на повестку за счет регионального и наоборот. С другой стороны, процесс национального самоопределения (в его традиционном смысле) обречен оставаться незавершенным. Сколь произвольным и искусственным было разделение региона на пять частей в границах нынешних республик, столь же неадекватными будут любые усилия, направленные на доведение до конца процесса национально-государственного строительства лишь на основе идеализации традиционной, устаревшей концепции нации, государства и демократии.

Изучение трансформационных процессов, которые имеют место в Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане, обнаруживает в их содержании, направлении и особенностях, так сказать, «национально-региональный дуализм». Поэтому в целом процесс геополитической трансформации региона можно было бы охарактеризовать как действительное возрождение и усиление регионализма в Центральной Азии.

К сожалению, этот фактор часто не замечают исследователи ЦА. В основном они пренебрегают необходимостью новых подходов к различным внутрорегиональным политическим проблемам, которые типично выглядят на поверхности как национальные или вызывающие межнациональную напряженность и конфликты. Довольно распространены стереотипные представления о регионе: неравенство стран и народов ЦА; гегемонизм Узбекистана; борьба за лидерство между Казахстаном и Узбекистаном; межэтнические конфликты на основе территориальных претензий, борьбы за водные и другие природные ресурсы и т.п. Независимость обнаружила (или породила) проблему сильных и слабых государств в регионе, проблему равенства возможностей и равенства политических статусов. Эта тема сознательно или нет обыгрывается теми, кто выражает пессимизм относительно центральноазиатского регионального единства. Я вижу единственный способ не допустить обострения этой проблемы, а именно: уравнивать страны и народы в единой региональной политике.

В этом отношении культурное многообразие народов ЦА не должно пониматься так, как если бы они принадлежали различным цивилизациям. Они принадлежат одной цивилизации, поэтому и политический диалог между ними развивается внутри одной цивилизации. В связи с этим не могу не процитировать наших отечественных ученых: «Необходимо помнить, что все народы, населяющие Среднюю Азию, являются наследниками богатого исторического прошлого этого крупнейшего очага мировой цивилизации»⁷. Я бы добавил: равными наследниками.

Тем временем не столько культурное многообразие должно беспокоить, сколько неадекватно построенная внешнеполитическая диверсификация Центральноазиатских государств. Следовательно, мы сталкиваемся с ситуацией типа «культурный плюрализм *versus* геополитический плюрализм». Действительно, понятие культурного многообразия или плюрализма служит основой и проявлением мирного сосуществования народов и тем самым уменьшает фактор различия и усиливает фактор связности между ними. А понятие «геополитический плюрализм», напротив, уменьшает значение фактора культурного плюрализма именно потому, что подчеркивает различия и тем самым служит деструктивной геополитике.

Говоря о таких проблемах, как границы, межгосударственное экономическое сотрудничество и иные проблемы отношений между странами, мы, как правило, ограничиваем себя рассмотрением только государственных акторов, в то время как существуют и так называемые «трансграничные акторы», очень часто бросающие вызов классической деятельности первых. Это граждане, семьи, бизнес-группы, профессиональные неправительственные организации и ряд других. Культурные и цивилизационные различия для них никогда не были существенными в их трансграничном образе жизни и деятельности в центральноазиатском контексте.

---

⁷ Алимova Д.А., Бурыков Ю.Ф., Филанович М.И. Объективность в истории — ответственность за будущее. Институт истории (Ташкент) // Учитель Узбекистана, 28 июля 2003.

Кроме того, следует напомнить, что народы Центральной Азии имеют еще одну общую особенность: все они состоят из субнациональных местных сообществ, которые происходят из древних племен, так что соответствующие нации как таковые могут быть символически разделены на микросообщества. (Возьмем, к примеру, узбеков — нацию, которая по происхождению состоит из более чем 90 сообществ, связанных с родами и племенами.) Народы ЦА разделены не только в масштабе региона, то есть внешне. Они также разделены внутренне. И мы можем с уверенностью заключить, что фактически эти две формы разделения отражают один и тот же феномен — генезис нации в современном смысле слова.

Но, интересно, такое разделение можно продолжить и расширить от микро- и макроуровня, даже вплоть до мегауровня. Если микроуровень относится к субнациональным сообществам, макроуровень — к собственно нации, то мегауровень ассоциируется с супернацией (с региональным сообществом). **Субнациональное, национальное и супернациональное существуют одновременно!** И это один и тот же народ.

Центральная Азия как судьба

Судьба для меня — не воображение фаталиста. Под судьбой я понимаю не просто удачу или неудачу. Это не только состояние дел. Это также будущее, которое строится и должно строиться.

С точки зрения «поиска будущего» следует поставить вопросы: будет ли Центральная Азия общим домом для народов, проживающих в ней? Разделят ли они общую судьбу, создав общий рынок и общую демократию? Какова и какой будет корреляция между исламом и светским государством в этих странах? Будет ли идея пантюркизма отпределять их развитие?

Кажется, общий ответ на все эти вопросы может происходить из того выбора народами региона, который отражается в принципе «Центральная Азия — прежде всего!». Это означает целесообразность и неотложность выработки общей стратегии ЦА касательно ключевых вопросов внутрирегионального и межнационального развития. Им следует сознательно воздерживаться от прямолинейных и близоруких попыток создания сугубо национальных моделей всего: государственности, демократии, социально-экономической системы, особенно безопасности. Любые поиски национальной модели демократии необходимо заменить поисками демократической модели нации. Иначе всегда будут выдвигаться изоляционистские обоснования автократических режимов.

Проф. С. Хантингтон в своей блестящей книге замечает, что после распада коммунизма на Западе, особенно в США, усилилось представление, что их идеология демократического либерализма испытывает глобальный триумф и, следовательно, является универсально приемлемой. Однако доминантный подход к этим западным ценностям в незападных культурах простирается от широко распространенного скептицизма до интенсивного неприятия. «То, что является универсальным для Запада, является империализмом для остальных»⁸. В нашем случае, как я понимаю, речь должна идти не о несовместимости западных и восточных ценностей, а о нежелании определенных доминирующих политических сил в странах ЦА инкорпорировать демократию, которая, в общем-то, не есть западное изобретение.

Центральная Азия недемократична не потому, что демократия чужда ей; напротив, страны региона недемократичны потому, что они изолированы друг от друга. Д. Митрани был прав, когда говорил, что наша социальная активность, в самом широком смысле этого

---

⁸ Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N.Y.: Touchstone Books, 1997. P. 184.

слова, отрезается произвольным образом на границах государства и может, если вообще может, соединиться с такой же активностью по другую сторону границ при помощи «искусственных и неудобных политических бинтов...»⁹ «Отрезание на границах» социальной активности людей, которая по своей природе может простираться за их пределы, особенно в условиях произвольно разделенной Центральной Азии, — это по сути отрезание пределов национального самоопределения и тупиковый в нынешних международных условиях путь утверждения национальной самости.

Принцип «Центральная Азия — прежде всего!» подразумевает, что все — безопасность и выживание, социально-политическая структура и благосостояние, а также ценности — должны быть, если можно так выразиться, национально-регионально определены.

Один из выдающихся отцов-основателей объединенной Европы Жан Монэ однажды писал, в Европе никогда не будет мира, если государства будут вновь возрождаться на основе национального суверенитета, ведущего к политике престижа и экономическому протекционизму. Страны Европы слишком малы, чтобы обеспечить своим народам ту степень благополучия, которая в нынешних условиях будет возможна и необходима. Он предупреждал, что благосостояние и социальное развитие немыслимы без создания Европейской федерации, которая сформирует их экономическое единство¹⁰. Схожие рассуждения правомерны и для случая Центральной Азии.

Следует признать, что национально-государственное размежевание 1920-х—1930-х годов, поставившее жесткие национальные границы хозяйственно-экономическому и социальному развитию республик, было ошибочным¹¹. Поэтому новое объединение является своевременной и стратегической задачей. Это также есть путь преодоления неравенства, как было сказано выше.

Создание равенства рассматриваемых стран путем интеграции не только порождает новый статус-кво — клуб равных — но и сокращает потенциал для сепаратизма, ирредентизма, взаимных подозрений, недоверия и вражды, которые могут быть обусловлены межэтнической напряженностью. Таким образом, интеграционистская политика равенства есть предпосылка и предусловие равенства многоэтнических обществ.

Своей судьбой народы Центральной Азии оказались разделенными на несколько государств. И будучи разделенными, они постоянно ощущают странный психологический фон: их все время как будто убеждают в том, что для решения новых спорных вопросов они нуждаются в посреднике, что им нужна помощь, внешнее содействие в безопасности, включая иностранное военное присутствие. Теперь они должны заново построить свою судьбу. Их готовность помочь себе, готовность не допустить возникновения кризисов в отношениях друг с другом, наличие политической воли к совместному противодействию общим угрозам и строительству общего регионального дома — первая предпосылка уважительного отношения к Центральноазиатским странам со стороны внерегиональных держав. Центральноазиатская интеграция не должна оставаться просто доброй волей, но как идея, перспектива, судьба должна широко и демократически обсуждаться, возвращаться, планироваться, конструироваться и защищаться. Это историческая ответственность правительств, наций и народов.

«Независимость каждой страны Центральной Азии будет более ценной при условии принципа кооперативного развития; в ином случае риск потерять больше и оказаться на периферии увеличивается»¹². Периферийное развитие, слабость, разделенность, вкупе с ложными стереотипами и представлениями о регионе (то, что Э. Саид, возможно, назвал бы

⁹ *Mitrany D.* The Functional Theory of Politics. London: London School of Economics and Political Science; Martin Robertson and Co., 1975. P. 118.

¹⁰ См.: *Kohl H.* Die Europäische Gemeinschaft. — Bilans und Perspective. В кн.: Europe — unsere Zukunft. Herford, 1989. S. 21.

¹¹ См.: Развитие межэтнических отношений в новых независимых государствах Центральной Азии. Бишкек: Илим, 1996. С. 201; см. также: *Кушкумбаев С.* Центральная Азия на путях интеграции: геополитика, этничность, безопасность. Алматы: Казахстан, 2002. С. 75.

¹² *Кушкумбаев С.* Указ. соч. С. 146.

«Центральноазианизм»), неизбежно востребуют определенную форму внешнего миротворческого присутствия. Перефразируя автора «Ориентализма», мы можем заключить, что в наилучшем случае «Центральноазианизм» будет успешно приспособлен к новому империализму, когда его руководящая парадигма не отвергает и даже обосновывает продолжительный имперский проект доминирования в ЦА.

З а к л ю ч е н и е

В новых исследованиях центральноазиатского политического процесса преобладает сознательное или несознательное рассмотрение в целом отношений между Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, Туркменистаном и Узбекистаном, равно как и их внешнеполитической стратегии, через призму баланса сил. Однако превращение региона в буферную зону между глобальными державами и потеря ЦА своей независимости именно в результате деструктивной политики баланса сил часто не получают должной оценки. Как заметил в свое время Ганс Моргентау, «чем больше локальный баланс сил связан с доминирующим балансом, тем меньше у него возможностей действовать автономно и тем больше он становится просто локальным проявлением этого доминирующего баланса сил»¹³. Опасения такой возможной перспективы должны побудить центральноазиатов не допустить ее и противодействовать ей путем объединения.

Тем временем, в этой части мира усиливается новая геополитика, которая предусматривает самостоятельную роль самих государств Центральной Азии в международной системе и мировой политике. 11 сентября лишь ускорило этот процесс. А исследовательские работы вновь обнаруживают теоретическую проблему: мы просто наблюдаем переход от старых стереотипов и предубеждений к новым. Различные широко распространенные аналитические спекуляции, официальные заявления, общественные подозрения и слухи относительно установления американского военно-политического присутствия в Центральной Азии могут служить подтверждением этого тезиса.

Общественное мнение, знания и представления о международных отношениях весьма часто ограничены чересчур упрощенными дихотомиями типа «про» и «анти» или идеями типа: «военно-экономическое могущество ведет к гегемонистской политике», в результате чего типичные рамки баланса сил оказались единственной теорией, которая была востребована и принята. Ее приверженцы — а их большинство — постоянно повторяют фразу о российском доминировании в Центральной Азии, которое теперь якобы заменяется американским доминированием.

В то же время новая центральноазиатская библиотека только создается. Благодаря новому открытию региона «Центральноазианизм» (подобно «Ориентализму») как система знаний требует обновления. Ведущей идеей для такого обновления мог бы стать тезис: «понятие, что есть географические пространства с местным, радикально «различным» населением, которое может быть определено на основе определенной религиозной, культурной или расовой сущности, присущей этому географическому пространству, является очень спорным понятием»¹⁴.

---

¹³ *Morgenthau H.J. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. NY: Alfred-A-Knopf, 1985. P. 219.*

¹⁴ *Said E. Op. cit. P. 322.*